

Проза

**Александр
САВЕЛЬЕВ**

Москва

***Александр Александрович Савельев** родился в 1954 году в Москве. Бывший: матрос-радист, студент МАИ, конструктор авиационного КБ, работник энергетики, технический директор частной фирмы. Проживает в Москве.*

Посвящается памяти друга

ДЕНЁЧКИ ПОД КЛИНОМ

Рассказ

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река,
Словно зеркало стальное...
Федор Тютчев
«В небе тают облака...»

Тем летом Сережку с его другом Сашкой родители отправили на недельку-полторы в деревню, под Клин, – погостить у Серегоных бабки с дедом до начала смены в пионерском лагере, в котором ребята, как обычно, проводили большую часть летних каникул. Вместе с ними – на радость старикам – привезли и Сережкуину малолетнюю сестру Маринку.

Подростки были совсем не против побыть вместе в деревне, на природе. Здесь перед ними открывался привольный летний мир с беззаботной жизнью на русском раздолье. В лощине, рядом с деревней, в сопровождении разнообразной береговой растительности, протекала узенькая неглубокая речушка, перейти которую можно было, погружаясь в воду не глубже, чем по пояс-грудь, даже на ее середине. В местный лес, заглянув на березовую опушку, ребята не ходили, так как грибов в ту пору еще не было, а идти до него приходилось далековато – через широченный луг и нескончаемое поле с нежной – до голубизны – порослью зерновых.

Найденный мальчишками в сарае старенький, оставшийся Бог знает с каких времен бредешок – полутораметровый залатанный кусок сетки с палками, привязанными к обоим ее узким краям – решил вопрос досуга. Во время речных испытаний этой нехитрой снасти, друзьям иногда попадались некрупные караси, щурята, окуни, лини... Частенько рыболовы обходились и вовсе без бредня – незаметно подкрадывались и, изловчившись, накрывали ладонями, – прижимая ко дну, – притаившихся щурят, что стояли на мелководье среди осоки под прикрытием своей темно-малахитовой, со светлыми штрихами, маскировочной расцветки. Сережкина бабушка превосходно готовила добытую рыбу, жаря вечерами на большой сковороде до румяной корочки и исхитряясь даже делать её менее костлявой. (Говорят, что существует способ, позволяющий нейтрализовать мелкие кости в небольшой костлявой рыбе путем частой надрезки-насечки ее боков, с натиранием солью, перед жаркой; поступала ли так тогда Сережкина бабушка? – теперь уже не узнаешь...)

Дед Петя – муж Серegiной бабушки, инвалид без одной ноги, немногословный простого склада деревенский старик, постоянно находился в доме на лавке. Иногда он выходил на своей деревяшке – по хозяйству к сараю или посидеть, покуривая, на заваulinке у дома. Простодушная доброта с резко контрастирующей жесткостью и даже грубостью, доходили в его общении с окружающими порой до смешного. Дед мог ласково бормотать трехлетней Маринке, возившейся с кошкой: «Мариночка... лапочка... деточка... мильный мой» (неизменно сводя все к мужскому роду), – и тут же гаркнуть, увидев неловкие движения ребенка, – «брось кошку, колун ... твою мать!»

Серега иногда таскал у него из открытой пачки, оставляемой на столе, по папироске, чтобы побаловать своего, уже начавшего потихоньку дымить друга. Сам Серезька не курил, отвратившись навсегда от этого зла после первой же пробной попытки в школьном туалете в компании одноклассников.

Ночевали мальчишки на сеновале. Сквозь щели досок чердачных стен кое-где просачивался бледно-голубой таинственный свет луны. Они лежали среди незнакомых деревенских запахов сена, старого дома, полевой ночной свежести с примесью дымки далекого костра, и всё говорили... говорили... говорили... После первой же ночевки на сеновале, нещадно искусанные комарами, мальчишки вынуждены были соорудить закуток-полог из раздобытой Серезькиной бабушкой марлевой ткани, надежно защищавший их от кровожадных насекомых.

Целыми днями гости находились на речке, исследуя её извилистое русло. Поддавшись азарту ловли, они постоянно пребывали в воде. В полуденную жару рыболовы ходили купаться к песчаной отмели – в то место, где речка расширялась, упираясь в перекаты и искрясь на солнце радужными блестками. Здесь можно было поплавать, полежать на прибрежном теплом песке, глядя в лазурь неба с причудливо-узорчатыми, спешащими вдаль белыми облаками.

Серезька просыпался с рассветом; ворочаясь, толкал Сашку, который еще дрых, прикрываясь рукой от золотистых солнечных лучей, проникающих в их чердачную спальню. Так, в Москве, в начале летних каникул Серега, занимавшийся велоспортом, приезжал утром на велосипеде со своей улицы Пилота Нестерова (около «Аэропорта») – на Пулковскую (у «Водного стадиона») к Сашке и будил недовольного друга часов в восемь, тогда как тот мог спокойно поспать бы еще пару часиков. Вот и в деревне растормошенный Сашка вставал, и они, позавтракав, отправлялись на речку, наслаждаясь утренней свежестью, щебетанием птиц и безоблачным началом дня.

В местах тех водились змеи, но ребятам они не встретились, кроме одного раза, который Сашке хорошо запомнился. Тогда, во время ловли, выбравшись из реки, они шли босиком по берегу к ближайшей заводи с камышами, тихо шелестящими над водой поникшими метелками.

Серезька с бреднем шел по тропинке первым, Сашка – за ним, с уловом из нескольких окуньков и карасей, нанизанных (через жабры и рот) на кукан из ивовой рогатки. В этот момент сбоку, из норы у края тропинки, вдруг неожиданно появилась серо-черная – без каких бы то ни было рисунков и пятен на коже – большая змея. Увидев рептилию, Сашка замер на полушаге, наблюдая, как длинная толстая лента, опасно извиваясь и поблескивая вороненой чешуей, медленно проползает между его голых ступней. Оцепенение, охватившее мальчишку, не давало ему пошевелиться.

Через несколько секунд змея скрылась в высокой траве по другую сторону тропинки, уползая под крутой берег. Только тут оцепенение прошло, уступив место запоздалому страху. (Такое с ним раньше один раз уже было – в Черемушках, когда из кучи торфа, привезенного в их двор к Первомайскому субботнику для удобрения деревьев, тоже выползла похожая рептилия.)

К концу пребывания в деревне у ребят произошла на речке еще одна неожиданная встреча, когда они чуть было не лишились безвозвратно своей снасти. Обследовав с ее помощью у водной излучины небольшой бочажок, окруженный зарослями рогоза, над бархатистыми сигарными свечками которого парили прозрачнокрылые стрекозы, они услышали с берега окрик:

– Эй, вы чо там делаете?! Ну-ка вылазьте щас же!

На берегу, возвышаясь над кустами, стоял здоровенный небритый мужик в расстегнутом темном пиджаке, надетом – без рубашки – прямо на майку (точь-в-точь, как предстают перед нами нынче в телевизионных передачах многие артисты, попзвезды и другие новомодные деятели неисчислимой прикиношно-театральной братии). Узнав из расспросов мальчишек, кто они и откуда, мужик почесал грудь, загадочно хмыкнул и отобрал их бредешок, сопровождая конфискацию сердитым ворчанием: «Понаедут из Москвы... компании всяких ловцов... всю рыбу нашу изводят». Представившись то ли местным егерем, то ли помощником рыбного инспектора, при исполнении (недаром же на нем был черный пиджак), он строго наказал растерявшимся мальчишкам передать деду с бабушкой, к которым они приехали, чтобы те зашли к Степану, то бишь к нему.

Придя домой, ребята рассказали о происшествии старикам. Сережкина бабушка на следующий день сходила в местный магазин, купила бутылку традиционного русского крепкого напитка и вечером пошла к Степану. Вернулась она от рыбнадзирателя с бреднем и милостивым незапрещением для гостей: «Пуцай уж городские внучики чуток позабавятся этим подсачеком»... каковым им не суждено было больше воспользоваться, так как на следующий день друзья на речку не пошли из-за дождливой погоды, а потом за ними приехали родители и увезли в Москву – готовиться к отпавке в пионерлагерь. В деревне осталась лишь маленькая Маринка.

Эпизоды той далекой сельской жизни с долгими прогулками, речными вылазками и яркими ребяческими впечатлениями остались, пожалуй, одними из самых неизгладимых в Сашкиных воспоминаниях, связанных с деревней, речкой и рыбной ловлей. Наряду с теми, что имели место в его раннем детстве, в деревушке отца товарища по работе. Там, еще в меньшей речке, похожей на ручей, он впервые удил со сверстниками самодельной удочкой из орешника усатых пескарей, которых тут же после снятия с крючка, ещё прыгающих в траве, уплетал урчащий от удовольствия хозяйский кот, прозорливо сопровождавший малышкой на рыбалку.

Необходимо упомянуть, что у друзей после были и другие запоминающиеся водно-рыболовные истории: на солнечной Азовской косе в Кирилловке и на рыбной Ахтубе, а для одного из них и на Черном море, где ему – уже молодому мужчине – довелось ловить во время отпуска, с пляжного волнореза, барабулек (похожих, кстати, на тех пескарей). Но дорогие сердцу воспоминания о приключениях в деревеньках с их речушками навсегда останутся в его душе. Названия деревушек и речек за давностью лет не запомнились. Да и важно ли это?

Важно то, что их далекие, овеванные романтикой детства образы все еще остаются в памяти... Постепенно тающей, исчезающей, уходящей... вместе с ними... **и с нами...**

Ноябрь 2021 г.

СТУДИОЗУСЫ*

С каких же, объясните, пор
Ученье – блажь, прилежность – вздор?

Но если названное – тлен,
Что вы предложите взамен?!

Поэзия Вагантов
«Доброе старое время», пер. А. Гинзбурга

Пусть вступаю на твой порог

С видом удрученным,

Но пройдет ученья срок –

Стану сам ученым.

Мыслью сделаюсь крылат

В гордых этих стенах,

Чтоб открыть заветный клад

Знаний драгоценных!

Поэзия Вагантов
«Прощание со Швабией», пер. А. Гинзбурга

Сергея набрал телефонный номер, и когда вызываемый абонент поднял трубку и прозвучало «алло», сразу же, волнуясь, с придыханием голосом, изрек обезоруживающие (во все времена) слова: «Друг!! Выручай!..»

Их родители дружили семьями с молодыми лет (отцы работали в одном цехе электриками на авиационном заводе), поэтому ребята знали друг друга давным-давно, с самого раннего детства; начало их знакомства спустя годы было размыто неумолимым течением времени...

Сергея уже несколько раз провалил экзамен по математическому анализу в своем МАМИ, на дневное отделение которого ему удалось попасть по льготному набору после службы в армии. Кое-как проучившись первый курс, демобилизовавшийся солдат споткнулся в конце весенней сессии на этом предмете. С остальными дисциплинами он более или менее справился, но математический анализ никак не поддавался...

На пересдачу экзамена руководством автомеханического института к ним был назначен незнакомый с задолжниками, преподаватель с другого отделения. Это надоумило Сергею применить дерзкий план сдачи «хвоста»: воспользоваться помощью друга детства, учившегося на вечернем отделении авиационного института, и послать его на экзамен вместо себя...

* * *

Случилось так, что несколькими годами ранее его другу не удалось окончить первый курс вечернего отделения МАИ вместе с общим потоком, так как весенним набором в мае его призвали на флот. Отсрочку студенту-вечернику в военкомате не дали; а ему не хотелось терять целый год после армии, пристраиваясь опять к первокурсникам, чтобы повторять уже пройденное, и он сумел (по содействию деканата) сдать все экзамены досрочно... кроме математического анализа. Материал за второй семестр по столь важному предмету не был тогда еще до конца прочитан для их группы, и разрешение к его досрочной сдаче призывнику не выдали...

Вернувшись из армии, бывший матрос все лето корпел, вспоминая и штудировав эту науку, а осенью сдал «висевший хвост» и продолжил обучение уже на втором курсе. Так что в материале по математическому анализу он, можно сказать, сносно ориентировался и еще помнил, как нужно дифференцировать и интегрировать...

* Студизус – устар. или шутл. то же, что студент.

Вклеив в зачетку фотографию друга вместо своей и удачно подмазюкав на ее краешке дугообразный след от печати, Серега сообщил, что основное дело сделано, осталась самая малость – всего-навсего сходить и, выручая старинного товарища, сдать вместо него этот предмет... Тем более что достаточно всего лишь трех баллов, отметка «удовлетворительно» его вполне устраивала...

Друг долго отказывался от участия в этой авантюре и даже поначалу послал его... по известному адресу... но... Серега умел убеждать...

Созвонившись перед сдачей, «дублер» строго сказал авантюристу:

– Захвати с собой конспект!

– А он у меня есть?..

– Возьмешь у кого-нибудь! – настоял друг.

Встретились у станции метро «Аэропорт», где тогда неподалеку, в заводском (ильюшинском) доме на улице Пилота Нестерова, проживал задолжник. Пока ехали, вечерник – с умным видом – листал чужой конспект (заимствованный Серегой у кого-то из более усидчивых сокурсников), вспоминая прошлый материал предмета, а спутник периодически мурлыкал себе под нос «самодельную» фразу на мотив известной песни «Ваше благородие, госпожа удача» из фильма «Белое солнце пустыни»: «Мат. анализ – неуд, и прощай, МАМИ. Не везет в учебе – повезет в любви».

Приехав в институт (на территорию МАМИ тогда можно было попасть намного проще, нежели в некоторых других вузах...), молодые люди прошли к невысокому корпусу, поднялись к требуемой аудитории; задолжник вытащил из портфеля учебник с конспектом, протянул другу подработанную зачетку и, хлопнув его по плечу, напутственно сказал:

– Ну, давай... удачи!

– К черту... – традиционно ответил тот, рассовывая учебник и конспект по громадным, пришитым изнутри, потайным боковым карманам своего экзаменационного пиджака; взял зачетку и шагнул в аудиторию...

Подойдя к сидящему за столом преподавателю, молодой человек положил перед ним зачетную книжку (возможно, был еще и какой-то листок допуска – не запомнилось...). Тот, сверившись со своим списком, отложил книжку вошедшего студента в стопку других и предложил взять билет...

За давностью времени многое уже не помнится. Осталось в памяти, что, подготовившись по первому вопросу билета (набросав тезисы теоретической части, незаметно выуженные из «подпольной» литературы), испытуемый решил и пример второго вопроса по дифференцированию. Программа мат. анализа в МАМИ была скромнее, нежели в его родном вузе... Так или иначе, присутствие интегральной темы на том экзамене в его голове не отложилось...

Запомнилось еще, что экзаменатор к себе не вызывал, а по мере готовности сам подходил к опрашиваемым студентам и подсаживался рядом, ведя беседу и выслушивая ответ... Подсев, в свою очередь, к «дублеру» и недослушав его теоретические познания по первому вопросу, он быстро перешел ко второму: проверил задание по дифференцированию, нашел какую-то незначительную ошибку и написал еще один пример. Друг задолжника осилил и его, после чего преподаватель удовлетворенно кивнул и изрек:

– Ну что ж... вполне удовлетворительно... вам тройки хватит?

– Да, конечно... – облегченно ответил парень...

Подойдя к столу, экзаменатор стал заполнять бумаги (листы), предложив молодому человеку достать свою зачетную книжку из общей пачки, сложенной с краю.

Тот стал машинально перебирать чужие зачетки, пролистывая стопку книжек по фамилиям и никак не встречая своей... Когда он начал просматривать их в третий раз, преподаватель помог ему и сам выудил требуемую книжку, удивленно промолвив:

– Вот же она... вы что, не узнаете?

– Ах, да... что-то не заметил... – пробормотал растерявшийся студент, спохватившись в волнении и вспомнив, что надо искать-то не свою (родную), а Серегину (с его фамилией)...

Когда он вышел из аудитории и протянул товарищу зачетку с заветной отметкой, тот был уже в курсе последних событий, подсмотрев результат сдачи в щелку приоткрытой двери, и довольно улыбался...

Ребята подошли к подоконнику. Серега открыл портфель и, убирая учебник с конспектом (по-прежнему бубня под нос: «Мат. анализ – неуд, и прощай, МАМИ. Не везет в учебе – повезет в... Тьфу, черт, привязалась»), чем-то подозрительно звякнул. Привлеченный звуком взглянул друга натолкнулся в раскрытом портфеле на несколько бутылок вина... Оказывается, пока он «сражался» с мат. анализом, приятель успел организовать – для отмечания – винное приобретение, отправив в магазин подвернувшихся «зеленых» (поступивших в МАМИ сразу после школы) сокурсников-студизусов, также удачно сдавших свои «хвосты» по другому предмету в соседней аудитории...

За открытым окном, радостно отсвечивая солнечными бликами, шелестела глянцевая листва деревьев... Друзья вышли из института на Большую Семеновскую, прихватив с собой двоих молодых Серегиных оболтусов, и растворились в сумеречной глубине парковой зелени, удивительным образом контрастирующей с нежно-голубым небом и разбросанными по нему дымчатыми обрывками белых облаков...

* * *

Спустя некоторое время, «мученик науки» перевелся на вечернее отделение, пристроившись работать помощником-лаборантом при одной из институтских кафедр, что значительно упростило его учебные мытарства... После окончания вуза Серега перешёл работать на некий блатной склад в парковой зоне Большой Оленьей улицы: принимал и отгружал там стройматериалы с оборудованием, оборотное движение которых было совсем малым и редким. Так что целые дни напролёт работник проводил в одиноком созерцании окружающего пейзажа и (будучи уже отягощенным высшим образованием) находился в плену всевозможных философских мыслей и размышлений о смысле жизни, мировом бытие... попутно выращивая (от скуки) кое-какую закусочную зелень на самодельных укромных грядках складской территории...

А друг детства порой навещал отшельника в этом своеобразном закутке природы, – заезжал после работы (со стороны Преображенки), совмещая визиты с неизменными пикниками... Оба радовались редким встречам с веселыми шутивными разговорами, дружескими беседами, воспоминаниями... Когда молодые люди освежали в памяти дни, проведенные на азовской косе и в родном пионерлагере, гулянья по милой аэропортовской аллейке... обсуждали текущие события и делились друг с другом новостями неумолимо бегущей, сумбурной жизни... (оказавшейся для Сереги слишком короткой... из которой он вскоре трагически ушел, утонув при неизвестных обстоятельствах в тридцать два года, купаясь в водах узенькой речки Нерской на востоке Подмосковья).

Февраль 2018 г.

БРЫЗГИ ДАЛЕКОГО МОРЯ

*Фиалки волн и гиацинты пены
Цветут на взморье около камней.
Цветами пахнет соль... Один из дней,
Когда не жаждет сердце перемены
И не торопит преходящий миг,...
Максимилиан Волошин
«Фиалки волн и гиацинты пены...»*

*...И напомнят мне оне
И волны морской извивы,
И дрожащий луч на дне,
И узлистый ствол оливы,..
Максимилиан Волошин
«Кастаньеты»*

Солнце заглянуло в окно, осветило комнату.

Мужчина средних лет встал с постели, осторожно, чтобы не разбудить жену и дочь, надел шорты, легкие сандалии, накинул майку и вышел из номера. Сбежав вниз по лестнице в холл отеля, он толкнул дверь и оказался на улице с романтическим каталонским названием Avinguda del Mediterrani (Аллея Средиземноморья), наполненной в этот час утренней свежестью.

Старинный Бланес, не считая порта, еще безмятежно спал. Неширокие уютные улочки города пустынные. Легкой трусцой мужчина устремился к выглядывающему из-за домов морю. Его бирюзовая гладь поблескивала на солнце, переливаясь радужными бликами.

В дни отпуска решив бросить курить и перейти на здоровый образ жизни, – доканчивая последнюю, прихваченную с собой из Москвы пачку сигарет, – он каждое утро совершал бодрящие пробежки по набережной, делал простенькую зарядку.

Широкая каменная набережная протяженностью более трех километров, вытянувшись длинной полосой вдоль городского побережья, ровной ступенькой возвышалась над грядой бело-песчаных пляжей. К ним, причудливо выступая из воды вблизи центральной части береговой акватории, примыкала древняя скала Са-Паломера, называемая воротами Коста-Брава и являющаяся одним из символов Бланеса. Оказавшись на набережной у пляжа Са-Абанель, бросив взгляд на темнеющий в отдалении знаменитый утес, отпускник повернул направо и продолжил пробежку к парковой зоне.

На территории парка, среди кипарисов, пальм и невысоких раскидистых средиземноморских сосен, размещался современный автомобильный кемпинг. Оборудованный площадками с водопроводной разводкой и кранами, электрическим освещением, розетками, туалетными и душевыми кабинками, он вызывал у отпускника интерес с налетом легкой ностальгии – ведь в детстве ему тоже посчастливилось попутешествовать со своей семьей «дикарями» на автомобиле, но – по российским побережьям и, конечно, в куда более скромных условиях... Здесь же избалованные благами цивилизации туристы, разъезжающие по Европе на машинах с комфортабельными прицепами-дачами, удобными шатровыми палатками и фирменной походной утварью, тоже отдыхали в непосредственной близости к природе. Находясь у полосы прибоя под открытым каталонским небом они могли ежеминутно наслаждаться окружающими видами живописного места, но при этом ни в чем себе не отказывая в бытовом плане.

Пробежав несколько простых упражнений (но с обязательным тридцатикратным отжиманием от земли), мужчина возвратился в отель. По пути заметил человека в наушниках и с металлоискателем, который обследовал по утрам песок на пустынном пляже (в поисках ювелирных украшений, частенько теряемых беспечной публикой). При встрече он неизменно вызывал у отпускника невольную улыбку, напоминая ему персонажа из советской кинокомедии «Трембита».

Солнце подпрыгивало над побережьем еще выше, преобразив цвет моря нежными сапфирными тонами. Просыпающийся Бланес постепенно оживал. На улочках появились прохожие. Пора и мужчине будить своих сладко спящих лежебок, собираться на завтрак. Ведь впереди ждал ворох отпускных мероприятий – от экскурсий и экспромтных прогулок с осмотром достопримечательностей до пребывания на песчаном берегу, где можно было с наслаждением расслабиться и безмятежно предаваться пляжно-купальному блаженству, созерцая после освежающих ныряний красоты Балеарского моря.

Так было в тот далекий испанский отпуск, подаривший им возможность увидеть красоты Бланеса и его окрестностей. Запомнились ботанические чудеса уникального сада Маримуртра и соседнего сада диких кактусов Пинья-де-Роса, расположенных в восточной части города – на высотах скал, окруженных небольшими бухтами с водами удивительных изумрудно-аквамариновых расцветок. Среди них необходимо упомянуть бухту Санта-Анна, над которой на высоком мысу уютно приютился живописный монастырь капуцинов.

Дендрарий Маримуртра, разделенный на три зоны – умеренного климата, средиземноморского и субтропического – с самыми разнообразными растениями, подарил прекрасную прогулку по тенистым дорожкам и завораживающие береговые виды, открывающиеся из «римской» ротонды над обрывом, к которой вела примечательная каскадная лестница. (Между прочим, далее – по пути к соседнему городку Ллорет-де-Мар – можно было наблюдать у моря множество роскошных, уютно вписавшихся между прибрежных выступов и скрывааемых зарослями экзотической растительности, таинственных владений с замками и виллами, принадлежащих, по словам гидов-экскурсоводов, каким-то загадочным новым русским...) А неподалеку, на высокой горе, утопающей в зелени сосен, кипарисов, кактусов, змеевидных вьюнов и прочей флоры, многовековым стражем возвышалась над городом серокаменная, с флагом Каталонии на вершине, башня замка Сан-Хуан, который служил в древности защитой берегового поселения от нападений пиратов и флибустьеров.

Во время вечерних прогулок по Бланесу, ноги частенько несли любознательных путешественников в старую часть города, на улочки с невысокими, аккуратными белокаменными домиками. Их необычная архитектура с причудливыми фасадами, украшенными вьющимися растениями, всевозможными ампельными цветами в подвесных кашпо на стенах, в горшках и ящиках у окон, заставляла туристов идти все дальше и дальше в желании увидеть новые красочные картины традиционного местного дизайна... одновременно унося гуляющих грезами в далекое таинственное средневековье... а то и в более стародавние времена мавров, диких готов, вездесущих римлян и неразгаданных, предшествующих им всем, иберов...

Романтическому настроению отпускников способствовало знакомство с многовековыми достопримечательностями (не обмолвиться о которых, в рассказе о Бланесе, было бы, наверное, непочтительно). К числу таких присоединилась и расположенная на площади в древней части города готическая Базилика Санта-Мария дворца виконтов де-Кабрера со старинным фасадом и колокольной, а также менее приметная церквушка Нуэстра-Сеньора-де-Эсперанса с небольшим колоколом на крыше (или попросту – часовня Надежды), издавна обосновавшаяся в квартале рыбаков недалеко от порта.

Морской порт, расположенный в живописной бухте восточной части берега, впечатлил множеством пришвартованных у пристани разнообразных лодок, катеров и красивейших яхт с белыми парусами-крыльями. Оживление на причале началось еще до первых лучей солнца, когда в розовом утреннем свете сюда подходили рыбацкие суденышки с уловом, для реализации на местном рынке: рыбы, крабов, осьминогов, моллюсков... В то время, когда туристы сладко спали в номере отеля... или позже, когда бросающий курить бегун выполнял зарядку в другом конце берега – это чудесное таинство прошло мимо них. Так что порт наблюдался ими в основном со стороны, издали, во время закатных и

сумеречных прогулок по теплым камням нескончаемой набережной и морского бульвара.

Хотелось бы упомянуть еще о двух экскурсиях отдыхающей семьи. Это поездки на автобусах. Одна – во французские города Перпиньян и Коλλιур (или Кольюр), другая – в каталонскую Барселону в Испании. С тех пор прошло много лет. Запомнились лишь общие штрихи и наиболее яркие фрагменты упомянутых визитов. (Что способствовало в определенной степени намерению автора избежать в рассказе дотошного, чересчур скрупулезного перечисления-описания всех достопримечательностей, кажущегося некоторым нудным и не всегда терпеливо воспринимаемым; оставив эту привилегию профессиональным экскурсоводам и специалистам.)

Французскую экскурсию обусловила близость посещаемых городов и простота пересечения границы на экскурсионном автобусе. Коλλιур – маленький красочный курортный городок с разноцветными домиками, получивший свою известность в прошлом веке благодаря художникам-модернистам, облюбовавшим его окрестности для написания своих оригинальных пейзажей. При въезде в город туристическая группа разделилась: одна часть с гидом, к которой присоединилась и супруга отпускника, отправилась обследовать достопримечательности здешней крепости, другая – разбрелась по городу для самостоятельного осмотра. Отпускник и его дочь, которой тогда было почти семнадцать, предпочли отправиться к берегу моря. Окунувшись в местных водах, они некоторое время провели на пляже. Осведомленные о маршрутном расписании, туристы взяли в поездку пляжные принадлежности, а отпускник захватил с собой маску с трубкой. Вода и дно местной бухты разочаровали его обилием мусора и морских ежей, чернеющих тут и там среди камней.

В назначенное время купальщики присоединились экскурсантам, неторопливо поднявшись вверх по улочке с сувенирными магазинчиками и лавками, где были выставлены картины.

В назначенное время купальщики присоединились к экскурсантам, неторопливо поднявшись вверх по улочке с сувенирными магазинчиками и лавками, где были выставлены картины, пронизанные местным духом фовизма (течения, *«упроощавшего живопись и выпускавшего цвет на волю»*...) Помнится, многое из увиденного среди тех уличных шедевров произвольно вызвало тогда в подсознании отпускника возрождение родных теплых слов «Веселые картинки» из названия милого журнала его далекого советского детства... а пожилую соседку по автобусу – директора детсада – заставили даже прослезиться, напомнив трогательные разноцветно-пятнистые творения малышей младших возрастных групп ее учреждения...

Перпиньян оставил единственное воспоминание о муторном посещении универмага, где мучительно слонялись по этажам в поисках нечто такого, чего тогда не было в постсоветской России. (Возможно, их группе достался, по совету «заинтересованного» гида, шопинговый вариант посещения города...) Так ничего и не купив, кроме пачки сигарет, которую бегун, не удержавшись, слабовольно приобрел втридорога в киоске в нарушении своего отпускного запретного обязательства, они покинули Францию.

Виды из окна в автобусных переездах запомнились оливковыми рощами, деревья которых повсеместно заполняли окружающие придорожные пространства, спасая иссушенную твердь южной земли от палящего солнца серо-зелеными пышными зарослями разветвленных узловатых крон.

Но зато Барселона до сих пор вспоминается с большой теплотой, благодаря экскурсии, посвященной творениям архитектора Антонио Гауди, представителя – здесь уже – каталонского модернизма. Отличительный стиль гениального художника, в котором он избегал прямых линий и большее предпочтение отдавал криволинейным поверхностям, согласуясь с естественными природными формами, прослеживается во всех его неподражаемых работах. Необычайной архитектуры здания со сказочными фасадами, украшенными во множестве удивительными скульптурами, волшебными витражами, уникальной мозаикой и параболическими арками; всевозможные удивительные парковые постройки с непривычным использованием колотой керамической плитки в облицов-

ке повержностей, в том числе и широко известная, извивающаяся бесконечной змейкой скамья парка Гуэль... ну и, разумеется, знаменитый Искупительный Храм Святого Семейства (Саграда-Фамилия), которому архитектор посвятил более сорока лет своей жизни и который после его смерти все еще продолжает достраиваться (на частные пожертвования), – все это фантастическое великолепие, конечно же, не могло оставить равнодушным никого и запомнилось на долгие годы.

После посещения уникального храма с ошеломляющими внутренними помещениями, представляющими собой настоящие сокровищницы необыкновенных ваяний с чудесным буйством конструктивной и художественной фантазии, у туристов выдалась минутка свободного времени. Пышущие жаром улицы заставили их спрятаться в спасительной тени деревьев, где можно было немного передохнуть под легким навесом ближайшего кафе с освежающими напитками.

Устроившись в приятной прохладе у стойки с высоким бокалом пенного пива солнечно-янтарного цвета, отпускник восхищенно смотрел на шпилевые башни Саграда-Фамилия, одновременно вспоминая рассказ гида о непростой, но такой необыкновенно плодотворной жизни великого маэстро, его удивительной судьбе с трагической кончиной. Слова экскурсовода непроизвольно настраивали на мрачноватые, старые как мир мысли о непредсказуемости человеческой судьбы и на философские размышления о несправедливости ее рока... об одиночестве старости... недугах и болезнях... мучениях кончины... тайнах ухода в мир иной... Прозвучавший сигнал к посадке в автобус отвлек от грустной философии, возвратив в мир молодости и счастливого бытия...

Ну и, наконец, о самом главном – проведении традиционной фиесты, ежегодно устраиваемой в Бланесе в честь Святых Анны и Иоакима в конце июля и длящейся около недели. В это летнее время фиеста сопровождается удивительным фестивалем фейерверков, запуск которых происходит ежедневно поздно вечером, в течение получаса с площади скалы Са-Паломера. Отпускникам посчастливилось отдыхать здесь в этот замечательный период. Они заранее занимали удобное место на побережье, так как позже это было сделать затруднительно из-за многотысячных толп зрителей и участников праздника, собирающихся на набережной. Каждый день запуски фейерверков проводились разными, прошедшими предварительный конкурс, соревнующимися фирмами, которые старались максимально раскрыть свои возможности в демонстрации невиданной красоты салютных залпов.

Разнообразные заряды, взлетая с морского утеса одиночными, или сразу несколькими ракетами, взрывались в воздухе цветастой польхающей жарким пламенем шрапнелью, медленно опадающей в море каскадами мерцающе-затухающих огней. Отражаясь от волнистой поверхности радужными сполохами и фантастическими бликами, они, словно по волшебству, преображались в чудесную цветомузыку водной глади.

Наблюдать красочное зрелище фиесты отпускникам довелось из разных мест городского побережья: поначалу в отдалении – с набережной, в другие вечера – уже с бульвара, неподалеку от скалы Са-Паломера. Сидя за столиком ресторанички с бокалом пенного напитка или с фужером традиционной сангрии, они в восхищении провожали взглядами неповторимые залпы этой огненной феерии, которые, вырываясь будто из глубин моря, взмывали искрящимися салютными брызгами в высоту черных небес, взрывая южную ночь яркими букетами рассыпающихся разноцветных фейерверков...

P.S.

А бросить курить – при наличии стольких сопутствующих расслабляющих соблазнов – мужчине в тот раз так и не удалось; это случилось позднее, шесть лет спустя (при его первом профилактическом лечении сосудов в больнице Склифосовского).

Февраль 2021 г.